

ТАГАНРОГСКІЙ ВѢСТНИКЪ

№ 173-й.

№ 173-й

ЕЖЕДНЕВНАЯ

Телефонъ редакціи № 85.

Телефонъ типографіи № 85.

ПОЛИТИЧЕСКАЯ И ОБЩЕСТВЕННО-ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА.

Годъ XXIII

Воскресенье, 4 іюля 1904 года.

Годъ XXIII

† А. П. Чеховъ.

«Въ ночь на 2-е июля, въ три часа, скончался въ Германіи въ Вадевейлерѣ, отъ паралича сердца, на рукахъ жены, знаменитый писатель Антонъ Чеховъ».

Изъ телеграммы.

Умеръ Чеховъ.

Всего два слова,—но какимъ болѣзненнымъ стономъ, какою тяжелою скорбью они прозвучать въ тысячахъ, въ сотняхъ тысячъ сердецъ!

Есть немного такихъ счастливыхъ именъ, которыя достаточно только произнести, и тотчасъ же самый сумрачный взглядъ прояснится, удрученная скорбью душа, словно подъ впечатлѣніемъ близкой и дорогой ласки, воспрянетъ, ободрится, вновь откроется для любви, добра и мира.

Чеховъ—это именно такое имя.

Въ теченіе двадцати пяти лѣтъ оно звучало для насъ чуть ли не символомъ любви, добра, кротости, душевной теплоты.

И теперь человѣка съ этимъ именемъ не стало.

Тяжкій недугъ, давно уже, какъ хищный звѣрь, державшій въ своихъ цѣпкихъ лапахъ жертву, восторжествовалъ: сердце, трепетавшее въ этихъ мучительныхъ тискахъ, перестало биться.

Чехова не стало.

На чужбинѣ, вдали отъ родныхъ полей, онъ умеръ на рукахъ самаго близкаго друга-жены, быть можетъ, благословляя судьбу, подавшую конецъ его томительному существованію въ послѣдніе годы.

Да. Послѣдніе годы знаменитаго писателя были омрачены этимъ неизлечимымъ недугомъ, присутствіе котораго онъ сознавалъ ясно, отчетливо, ежечасно.

Подумать жутко, что это была за жизнь!

Талантъ, извѣстность, слава, проницательный умъ, молодость, окруженная нѣжною любовью, удесятеренная жажда жизни, яркое до боли пониманіе всего того, что происходитъ кругомъ, сердце, готовое отъ избытка любви слиться со всѣмъ міромъ, со всѣмъ человѣчествомъ, неудержимое стремленіе къ добру, къ правдѣ, желаніе работать и приносить счастье другимъ—это съ одной стороны.

Ежечасныя, ежеминутныя страданія тѣла—этой жалкой и ничтожной земной оболочки,—мысль о близкомъ о неизбѣжномъ концѣ, о смерти и разрушеніи, тщетъ надеждъ и стремленій,—суровый и неумолимый приговоръ, висящій безпрестанно, какъ Дамокловъ мечъ, надъ головой—это съ другой стороны.

Глядѣть восхищенными глазами на яркій и пышный лучъ разсвѣта, на распускающуюся розу, на зеленѣющіе поля и луга, на лазоревую даль тихо плещущаго моря—и спустя мгновенье, широко раскрытыми отъ ужаса глазами видѣть сырой сумракъ развершейся могилы, тлѣніе, небытіе.

Чувствовать, какъ сердце трепетно бьется отъ избытка любви, которую хотѣлось-бы излить на весь міръ, передать всему живущему,—и тутъ же съ неотвратимымъ страхомъ прислушиваться къ его замиранію, думать: вотъ вотъ оно перестанетъ биться.

Видѣть отовсюду преклоненіе передъ твоимъ талантомъ и извѣстностью, выслушивать ото всѣхъ самые восторженные возгласы—и въ то же время подмѣчать въ смотрящихъ на тебя глазахъ жалость по поводу ясно написанной на твоемъ лицѣ судьбы, слышать проливаемые вполголоса восклицанія скорби, ловить чуткимъ ухомъ то здѣсь, то тамъ раздающіеся при твоемъ видѣ вздохи.

Садиться за письменный столъ, брать перо въ руку и черезъ минуту опускать ее безсильно отъ боли, сдавившей внезапно грудь.

Приниматься за любимую, давно обдуманную работу и тутъ же, со слезами, застывшими на рѣсницахъ, думать:

— Я ея не кончу!

Можно ли придумать болѣе потрясающую трагедію жизни. Можно ли представить существованіе болѣе сумрачное, безпросвѣтное, унылое!?

А, между тѣмъ, такую жизнь влачилъ покойный писатель цѣлые годы.

Заболѣвъ въ Москвѣ этимъ тяжкимъ, неизлечимымъ недугомъ, узнавъ отъ докторовъ, что это за недугъ, Антонъ Павловичъ въ очень скоромъ времени переселился на югъ «доживать свое», какъ онъ самъ объяснялъ своимъ близкимъ знакомымъ.

И потянулись дни и мѣсяцы—много тяжелыхъ дней и мѣсяцевъ, въ теченіе которыхъ страшный недугъ, какъ тигръ, игралъ со своей добычей, то выпуская ее на нѣсколько мгновений изъ лапъ, то снова съ удесятеренной силой сжимая ее въ смертельныхъ и мучительныхъ тискахъ.

Несчастный писатель съ самаго начала болѣзни заживо похоронилъ себя и былъ заживо похороненъ всѣми.

Съ тѣхъ поръ каждое его страданіе болѣзненнымъ эхомъ отзывалось въ сердцахъ его безчисленныхъ поклонниковъ, выстрадано было всѣмъ русскимъ обществомъ,—горестная судьба горячо любимаго писателя была оплакана всѣми.

Безъ преувеличенія можно сказать, что Антонъ Павловичъ Чеховъ умиралъ за этотъ долгій промежутокъ времени тысячею смертей,—и всякій разъ, когда онъ вставалъ съ ложа смерти, вздохъ облегченія вырывался у всѣхъ, знавшихъ, читавшихъ и почитавшихъ его.

Особенно скорбѣлъ Таганрогъ—родной городъ покойнаго писателя, гдѣ онъ выросъ, гдѣ онъ учился, гдѣ съ гордостью слѣдили за каждымъ новымъ успѣхомъ на литературномъ поприщѣ знаменитаго «земляка».

— День, когда мы, таганрожцы, узнали о болѣзни Антона Павловича,—говорили многіе мѣстные жители пишущему эти строки,—

былъ для насъ положительно днемъ траура. На первыхъ порахъ никто даже не хотѣлъ вѣрить, что у Антона Павловича чахотка. Думали, обычная ошибка докторовъ. Нашъ Антонъ Павловичъ скоро поправится и снова подаритъ русскую литературу и насъ, читателей, какимъ-нибудь восхитительнымъ, жизне-радостнымъ, полнымъ юмора и тонкой наблюдательности произведеніемъ. Вѣдь, это же былъ, дѣйствительно, русский Мопсанъ и, Боже, какъ мы его все любили!

какъ мы все имъ гордились! Немудрено, что изъ Таганрога летѣли въ Москву и въ Ялту телеграммы одна за другой. Всѣ съ тревогой ждали окончательнаго діагноза болѣзни Антона Павловича. Домъ его на Елисаветинской улицѣ посѣщался въ эти дни массою лицъ. Увы! скоро пришла роковая вѣсть, что у Антона Павловича, дѣйствительно, чахотка, и что врачи предписали ему самый строгій режимъ и настаиваютъ на томъ, чтобы писатель безвыѣздно жилъ на югѣ. Вскорѣ эту скорбную вѣсть подтвердили намъ и новыя произведенія Антона Павловича: «Чайка», «Дядя Ваня», «Три сестры». Въ особенности, первое и послѣднее. Общій тонъ этихъ крайне сумрачныхъ и меланхолическихъ произведеній указывалъ лучше всякихъ докторскихъ диагнозовъ на то, что писатель боленъ тяжкимъ и неизлечимымъ недугомъ. Съ этихъ поръ мы его оплакали и, можно сказать, заживо похоронили. Единственное наше и горячее желаніе было, чтобы онъ мучился поменьше.

Нужно ли говорить о томъ, что чувства таганрогскихъ соотечичей знаменитаго писателя раздѣлялись всею интеллигентною Россіею?

Дѣйствительно, появившіяся скорѣ произведенія Антона Павловича—не касаясь ихъ литературныхъ достоинствъ—всѣмъ наглядно показали, что внутренній, духовный міръ писателя, подъ впечатлѣніемъ этой ужасной болѣзни, замѣтно и сильно измѣнился, что въ его творчествѣ появилась новая болѣзненная нота чисто субъективнаго характера.

смертный, не можетъ въ минуты тяжкихъ физическихъ страданій, быть «жизнерадостнымъ» и «ободряющимъ», и отзвуки этихъ страданій всегда будутъ запечатлѣваться въ его произведеніяхъ.

Вспомнимъ Генриха Гейне. Эдгара По. Юліуса Словацкаго. Надсона и многихъ другихъ великихъ страдальцевъ.

Не составилъ исключенія и Антонъ Павловичъ Чеховъ: онъ таилъ, какъ свѣча, зажженная съ двухъ концовъ, и откликомъ переносимыхъ имъ страданій былъ отчаянный вопль о несправедливости и жестокости судьбы, такъ жестоко и безвинно его показавшей.

Съ теченіемъ времени—я бы сказала: съ постепеннымъ удаленіемъ отъ земли и прозрѣніемъ въ глубину небесъ—этотъ вопль звучалъ тише и рѣже... тише и рѣже... пока не перешелъ въ кроткій и безропотный шопотъ, пока любящая и добрая душа великаго писателя окончательно не прозрѣла и не отрѣшилась отъ всего земного.

Свѣча догорѣла и потухла. Великая душа отлетѣла къ Небу. Миръ тебѣ, любимый и дорогой писатель!

Господь упокой твою многострадальную душу.

Г. Клепацкій.

